JK
2315

№ 13.

Изданіе „Народное право".

ГБ18
С118

О ЧИНОВНИКАХЪ

И

НАРОДНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Цѣна 3 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1906.

О ЛИЦЕНЗИАХЪ

НА ПРОДАЖУ ВИНА.

JK
2315

№ 13.

Изданіе „Народное право".

О ЧИНОВНИКАХЪ

И

НАРОДНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

Цѣна 3 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Всадвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1906.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ГБ118
Р118 Р

Институт В. И. Ленина
№
БИБЛИОТЕКА

161-1420

188991 Ч

О чиновникахъ и народномъ правленіи.

Началась у насъ съ Японіей война. Народъ сталъ толковать какая это Японія? Что то про нее не слышно было. Про Китай, турокъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ слыхали. Слыхать слыхали, а много ли про нихъ знаютъ? Гдѣ эти народы живутъ? какъ живутъ? А про самую-то Россію, про свою родную землю что знаетъ большая часть русскаго народа? Началась война съ Японіей, а кто зналъ, за что война? Говорили: Японія бунтуетъ; говорили: воюемъ для *уравненія*. Для уравненія войны не нужно: еще и своей земли у русскихъ много. Нѣтъ! у тѣхъ людей, которые затянули Россію въ войну, объ уравненіи и на умѣ ничего не было. Какъ же! станутъ они думать объ уравненіи. Они только о томъ хлопотали, чтобы себѣ еще милліоны нажить.

Русскіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ взяли у китайцевъ Портъ-Артуръ въ аренду. Назначили туда намѣстника Алексѣева. Понаѣхало туда вмѣстѣ съ нимъ много русскихъ чиновниковъ и разныхъ ловкачей. Одинъ изъ этихъ людей Безобразовъ, важный чиновникъ, да еще нѣсколько человѣкъ важныхъ и богатыхъ затѣяли лѣса скупать у корейцевъ. Корея находится недалеко отъ Портъ-Артура, около Японіи. Устроили эти господа компанію, присталъ къ нимъ и Алексѣевъ, и изъ Петербурга еще пригласили они важныхъ чиновниковъ въ свою компанію.

Взяли эти чиновники беззаконно изъ государственнаго банка нѣсколько милліоновъ и начали торговлю. Для охраны своихъ лѣсовъ прислали они русскихъ солдатъ. Видятъ японцы, что ужъ русскіе чиновники и Корею къ своимъ рукамъ прибираютъ. Они потребовали, чтобы Россія отозвала свои войска отъ Китая и Кореи. Еще раньше русскіе усмиряли китайскихъ бунтовщиковъ и заняли войсками на время часть китайской земли, Манчжурію, но ужъ очень долго войскъ оттуда не отзывали, какъ былъ договоръ. И вотъ японцы потребовали, чтобы русскіе договоръ исполнили и войска изъ Манчжуріи вывели, а изъ Кореи ужъ и подавно. Русское правительство уже совсѣмъ было собралось это исполнить. Тогда Безобразовъ и его товарищи стали хлопотать, поѣхали въ Петербургъ; толковали, что Японія ужъ очень зазналась, что мы ее вмигъ разобьемъ, и хлопотали все изъ-за того, чтобы не бросать своей торговли, и началась эта ужасная война. Боже мой, и черезъ этихъ злодѣевъ сколько горя, слезъ, сколько крови!

Какъ же это могло случиться, что ради выгоды десяти, двадцати человѣкъ всему русскому народу пришлось терпѣть такую бѣду?

Случилось это потому, что русскій народъ не знаетъ, кто и какъ управляетъ Россіей, потому, что тѣ, кто распоряжается въ Россіи, не спрашиваютъ народъ, что *ему* нужно, а думаютъ лишь о томъ, чтобы *имъ* самимъ было хорошо. А управляютъ русскимъ царствомъ чиновники (ихъ называютъ еще бюрократами, приказными, администраціей): министры, губернаторы, земскіе (крестьянскіе) начальники и еще много разныхъ другихъ.

Окружили они царя и его именемъ сами управляютъ и распоряжаются въ Россіи, какъ въ своемъ имѣніи крѣпостные помѣщики. Чиновники получаютъ жалованіе отъ народа, изъ податей, значитъ они должны народу служить, а они считаютъ такъ: весь народъ имъ слуга. Народъ долженъ трудиться для нихъ, народъ долженъ для нихъ проливать свою кровь на войнѣ. Война съ Японіей была затѣяна ради ихъ пользы. Здѣсь имъ тѣсно стало, ужъ очень ихъ развелось много, нельзя каждому назначить по пятидесяти или по сту тысячъ, а еще ихнимъ кумовьямъ да сватамъ надо мѣста дать да жалованіе большое назначить. Ужъ и мѣстъ такихъ не придумаютъ, куда бы этихъ кумовьевъ посадить — надо искать гдѣ-нибудь еще мѣста, и задумали отнять себѣ у Китая часть земли, да еще въ Кореѣ хотѣлось поживиться важнымъ чиновникамъ. Японія не допустила, вотъ и пошла война. Если бы мы японцевъ одолѣли, и тогда русскому народу не стало бы легче, только чиновники еще больше разжились бы.

Однако Японія насъ побѣдила. А почему? Вѣдь она куда меньше Россіи! Потому, что у насъ повсюду обманъ и воровство. Чиновники дѣлаютъ, что хотятъ, и никому отвѣта въ своихъ дѣлахъ не даютъ. Напримѣръ, настроили военныхъ кораблей, потратили на ихъ постройку сотни милліоновъ, собранныхъ съ народа денегъ, а корабли оказались никуда негодны. Чиновникамъ и горя мало; вѣдь они на кораблики то только половину тѣхъ денегъ истратили, а другую половину себѣ по карманамъ разобрали. А на тѣ дрянные корабли вѣдь людей посадили да и послали на вѣрную смерть. И на

сухопутьи то же воровство: и солдатъ-то голодомъ морятъ, и оружіе плохое доставляютъ войску, и генералы все плохіе, потому что, кто поумнѣй да не воръ, тѣхъ у насъ къ большимъ должностямъ не допускаютъ. А всѣ, кто объ этихъ дѣлахъ знаютъ, должны молчать, а если кто что скажетъ или напишетъ, тѣхъ безъ суда или въ Сибирь сошлютъ или въ крѣпость куда-нибудь посадятъ. А если гдѣ-нибудь крестьянамъ или рабочимъ ужъ очень тяжело придется, и они не вытерпятъ, заявятъ неудовольствіе, такъ въ нихъ солдатамъ стрѣлять приказываютъ, а то казаковъ напустятъ, если солдаты въ своего же брата, мужика, откажутся стрѣлять. А царю скажутъ, что тѣ крестьяне или рабочіе—бунтовщики, что они на него измѣну замышляютъ. Царь этому всему вѣритъ, потому что чиновники къ нему не допускаютъ никого. Да гдѣ же ему все знать, вѣдь Россія велика!

Если царь издастъ хорошій, полезный для народа законъ, чиновники или не исполняютъ этотъ законъ, или такъ его по-своему повернутъ, что онъ только во вредъ Россіи.

А почему большая часть русскаго народа живетъ въ темнотѣ? Потому что чиновникамъ это на руку. Если бъ весь народъ узналъ, какъ наши чиновники распоряжаются; если бы народъ узналъ, что не во всѣхъ странахъ чиновники забрали такую власть; что въ иныхъ странахъ не народъ слуга чиновниковъ, а чиновники его слуги; что тамъ, если чиновникъ что плохо сдѣлаетъ, будь онъ хоть министръ, народъ его можетъ смѣнить и наказать. Если бы все это народъ узналъ, то пришелъ бы конецъ чиновничьему царству.

Тяжелѣе всего отъ управленія чиновниковъ приходится крестьянамъ. Какіе только у насъ не перебывали управители-чиновники!

Теперь ужъ, должно-быть, не осталось на свѣтѣ стариковъ, что помнили войну съ французами, какъ французы пришли къ намъ въ Москву. Въ то время у насъ былъ царь Александръ I. Сначала около него былъ министромъ хорошій человѣкъ Сперанскій. Онъ совѣтовалъ царю освободить крѣпостныхъ и ввести въ Россіи такое управленіе, чтобы народъ черезъ своихъ выборныхъ объявлялъ царю о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Но потомъ надъ Сперанскимъ взялъ верхъ генералъ Аракчеевъ и самъ сдѣлался главнымъ совѣтчикомъ царя. Аракчеевъ этотъ былъ прямо злодѣй. Онъ до того былъ золъ, что своими руками выдергивалъ солдатамъ усы. Тогда солдаты служили по 25 лѣтъ, и солдатская служба была все равно, что каторга. Мало того, что генералъ Аракчеевъ мучилъ солдатъ, онъ еще выдумалъ особое дѣло, недобрая память о которомъ донынѣ сохраняется въ народѣ. Были отдѣлены особые округи, гдѣ всѣ деревни были объявлены военными поселеніями, всѣ крестьяне въ нихъ были объявлены солдатами, вся жизнь ихъ была исковеркана, они сдѣлались казенными людьми, казенною вещью, они отвѣчали на жестокія притѣсненія возстаніями, которыя были жестоко усмиряемы.

Помѣщичьимъ крѣпостнымъ тоже жилось тогда трудно. У многихъ помѣщиковъ имъ было тоже не лучше, чѣмъ на каторгѣ. Въ имѣніи самого Аракчеева его экономка такъ мучила, такъ тиранила крестьянъ, что они не вытерпѣли, убили ее. Тогда Аракчеевъ раздѣлался съ крестьянами по-своему.

Тогда кое-кто изъ образованныхъ людей смотрѣли на всѣ эти мученія народа и ужасались и думали какъ бы помочь, какъ бы отнять власть отъ такихъ совѣтниковъ царя, каковъ былъ генералъ Аракчеевъ; какъ бы сдѣлать такъ, чтобы такіе злодѣи не могли самовольно распоряжаться въ Россіи. Эти люди согласились другъ съ другомъ добиваться того, чтобы ввести въ Россіи народное правленіе, чтобы положить конецъ самовольству чиновниковъ, чтобы освободить крѣпостныхъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ. Когда царь Александръ I умеръ, у него дѣтей не осталось, и по закону долженъ былъ стать царемъ его второй братъ, Константинъ, но Константинъ отъ престола отрекся, и царемъ сталъ третій братъ Николай Павловичъ. И вотъ, когда войска должны были ему присягать, нѣсколько полковъ присягнуть отказались. Они требовали, чтобы царемъ былъ старшій братъ Константинъ, и чтобы онъ далъ обѣщаніе управлять Россіей вмѣстѣ съ народными выборными. Въ этихъ полкахъ служили офицерами тѣ люди, которые согласились добиваться въ Россіи народнаго правленія. Солдаты этихъ офицеровъ очень любили, потому что они хорошо съ солдатами обращались, обучали ихъ грамотѣ, не били, не позволяли наказывать розгами, не обворовывали, какъ прочіе. И вотъ, эти офицеры вывели свои полки въ Петербургѣ на площадь и отказывались присягать Николаю I и требовали, чтобы царствовалъ Константинъ. Но ихъ было мало, выслали другія войска ихъ усмирять. Много народу перебили, офицеровъ арестовали, арестовали еще и многихъ другихъ людей, какіе были съ ними заодно. Это дѣло было въ декабрѣ

мѣсяцѣ, и потому этихъ людей прозвали *декабристами.*

Ихъ судили, пятерыхъ казнили, а остальныхъ сослали въ Сибирь въ каторжныя работы. Долго жили декабристы въ Сибири, многіе тамъ и поумерли.

Ну, вотъ, декабристовъ кого казнили, кого въ Сибирь сослали, а Николай I сталъ царствовать. Онъ былъ очень строгъ. Онъ думалъ, что самъ управляетъ, что всѣ ему повинуются и исполняютъ его волю. А на дѣлѣ-то все распоряжались чиновники. Вмѣсто Аракчеева явились другіе, хотя и не такіе знаменитые злодѣи, какъ Аракчеевъ, однако люди, которые думали о своей выгодѣ, а не о пользѣ русскаго народа. И ужъ какъ грабили, какъ притѣсняли народъ чиновники царя Николая Павловича! Никто и слова не смѣлъ сказать противъ нихъ. Крестьяне все оставались крѣпостными.

При концѣ царствованія императора Николая Павловича завязалась у насъ война сразу съ турками, съ французами и англичанами. Осадили они городъ Севастополь въ Крыму, какъ въ теперешнюю войну японцы Портъ-Артуръ. Тутъ-то и оказалось, до чего управленіе чиновниковъ Николая I довело Россію. Все у нашего войска оказалось хуже, чѣмъ у чужеземцевъ — и оружіе, и корабли, и генералы. Солдаты были молодцы, только обучены плохо: обучали ихъ мало, а все больше били да сѣкли. Кормили ихъ въ Севастополѣ тухлой говядиной да гнилыми сухарями, а оружія хорошаго и снарядовъ не было. И побѣдили насъ англичане съ французами и турками. Должны мы были крѣпость

Севастополь срыть и кораблей на Черномъ морѣ не имѣли права заводить. Тутъ царь Николай Павловичъ умеръ. Но передъ смертью узналъ, какъ исполнялась его воля. Онъ сказалъ своему сыну-наслѣднику: „Въ Россіи только два человѣка не воруютъ: ты и я“.

Александръ II, дѣдъ теперешняго царя, видѣлъ, какъ бѣдствовалъ народъ при его отцѣ; видѣлъ, какъ тяжело было крѣпостнымъ, какъ мучили солдатъ на военной службѣ, какіе подкупные были суды, какъ грабили чиновники. Онъ рѣшился все исправить. Александръ II Николаевичъ освободилъ крѣпостныхъ. Трудно это было, потому что много важныхъ чиновниковъ, которые имѣли крѣпостныхъ, и многіе дворяне были противъ освобожденія.

На военную службу онъ велѣлъ брать по жребію всѣхъ, равно и дворянъ, и крестьянъ, и купцовъ, и при немъ стали служить въ солдатахъ только по 6 лѣтъ вмѣсто 25. Онъ ввелъ земства, чтобы жители сами черезъ своихъ выборныхъ земскихъ гласныхъ управляли своими земскими дѣлами заботились о дорогахъ, школахъ, больницахъ и многомъ другомъ, и чтобы чиновники въ земскія дѣла уже не совались.

При немъ былъ введенъ судъ присяжныхъ и мировые судьи. Передъ этимъ судомъ всѣ были равны: и дворяне, и крестьяне, и бѣдные, и богатые. Всѣхъ судили по однимъ законамъ.

Всѣ вздохнули какъ будто свободнѣе. Ждали, что императоръ Александръ Николаевичъ, котораго прозвали Освободитель, скоро введетъ народное правленіе.

Но чиновники не дремали и стали опять мало-по-малу забирать власть въ свои руки. Намъ при-

шлось воевать съ турками. Трудно было, но турокъ мы побѣдили, потому что турецкіе чиновники еще больше разворовываютъ казну, грабятъ и притѣсняютъ свой народъ.

Послѣ войны наши чиновники еще больше забрали силы. А послѣ смерти царя Александра Николаевича они уже все повернули по-своему. По деревнямъ было тихо и мирно, но чиновники говорили, что надо охранять порядокъ среди крестьянъ, и придумали урядниковъ. Не нравилось чиновникамъ, что крестьяне освобождены, и придумали они поставить надъ ними земскаго (крестьянскаго) начальника и отдали освобожденныхъ крестьянъ въ его распоряженіе въ родѣ крѣпостныхъ. Прежде у крестьянъ было одно начальство — помѣщикъ, а теперь вмѣсто помѣщика — земскій начальникъ, становой, урядникъ, да еще въ послѣднее время прибавили стражника. Все это — начальство надъ крестьянами. Всѣ смотрятъ, всѣ стерегутъ, всѣ свои законы устанавливаютъ. У насъ есть настоящіе законы, изданные царемъ съ его совѣтомъ. Только эти законы не для чиновниковъ, чиновники свои законы придумываютъ. Министры то и дѣло присылаютъ свои приказы губернаторамъ, а губернаторы земскимъ начальникамъ да исправникамъ, да становымъ. А то еще губернаторы сами отъ себя приказы посылаютъ земскимъ начальникамъ. А земскіе начальники свое что-нибудь придумаютъ и приказываютъ старшинамъ и старостамъ исполнять. Есть такіе земскіе, что приказываютъ крестьянамъ: не пашите парены до Петрова дня, или сѣйте рожь послѣ Спаса, или еще что придумаютъ. А если крестьяне ослушаются, сейчасъ старосту

подъ арестъ на трое, на пять, на семь сутокъ или оштрафуютъ рублей на пять. Встрѣтился крестьянинъ съ земскимъ, шапку не снялъ — подъ арестъ! А закона такого нѣтъ, чтобы паши или сѣй, когда земскій прикажетъ. Но для всѣхъ чиновниковъ законы не писаны, они сами себѣ законъ, и суда на нихъ нѣтъ!

Пуще огня чиновники боятся, чтобы до крестьянъ не дошла правда о чиновничьемъ самоуправствѣ. А правда эта можетъ дойти до деревни черезъ хорошо грамотныхъ людей, черезъ книги и газеты. И вотъ, чиновники и полиція (тоже чиновники) строго смотрятъ, чтобы образованные люди, напримѣръ: учителя, доктора, студенты, рабочіе и другіе, ничего не разсказывали крестьянамъ, что и какъ дѣлается у насъ въ Россіи и въ другихъ странахъ. А если кто осмѣлится поразсказать или книжку крестьянамъ прочесть о нашихъ порядкахъ, того сейчасъ отъ должности отставятъ, а то и сошлютъ куда-нибудь подальше безъ суда. И книгъ настоящихъ правдивыхъ не допускаютъ въ деревню, а газеты позволяютъ получать только такія, что чиновниковъ да генераловъ хвалятъ; а тѣ газеты, въ которыхъ хоть немного правды можно узнать, отбираютъ.

Такъ вотъ и держатъ чиновники народъ въ темнотѣ. А людей грамотныхъ, которые несогласны на ихъ самоуправство, которые мѣшаютъ чиновникамъ, они хватаютъ и высылаютъ въ Сибирь.

А больше всѣхъ посослалъ въ Сибирь, больше всѣхъ позасадилъ въ крѣпость министръ Плеве въ 1903 и 1904 году. Ссылалъ онъ и дворянъ и рабочихъ, и студентовъ и крестьянъ, — всѣхъ, кто

его самоуправству противился. Этотъ министръ Плеве былъ не лучше генерала Аракчеева! Онъ хотѣлъ земство совсѣмъ уничтожить и дать губернаторамъ власть распоряжаться въ губерніи всѣмъ, чѣмъ завѣдывало земство: и больницами, и школами. Пока есть земство, оно все-таки заступается за деревню передъ царемъ; въ земствѣ сидятъ люди, выбранные народомъ, не чиновники. Если бы министръ Плеве успѣлъ уничтожить земство, то по деревнямъ житье было бы вродѣ житья въ аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ; и никто ужъ не препятствовалъ бы чиновникамъ управлять русскимъ народомъ на всей ихъ волѣ.

И вышло бы дѣло по желанію министра Плеве, и долго бы еще жилъ народъ русскій въ крѣпостныхъ у земскихъ начальниковъ да у губернаторовъ. Но чиновники затѣяли воевать и сами тѣмъ себѣ могилу вырыли. Есть такая пословица: кого Господь наказать захочетъ, у того сперва разумъ отниметъ. Чиновники наши понадѣялись, что велика Россія, а того не подумали, что они въ ней повсюду завели фальшь, обманъ, воровство, что корабли у насъ плохи, и оружіе плохое, крѣпости не достроены, генералы и офицеры неумѣлые, нерадивые, солдаты неграмотные, необученные. Объявила Россія войну. Стали чиновники хвалиться: мы черезъ мѣсяцъ придемъ въ японскую столицу и, что захотимъ, то и возьмемъ у японцевъ. Стали воевать. Японцы все на насъ наступаютъ, а мы все отступаемъ. И ни одной побѣды мы надъ японцами не одержали. А генералы и чиновники все твердятъ: „Дайте срокъ, мы покажемъ себя японцамъ, отличимся передъ всѣмъ міромъ!“ И дѣйствительно, показали они себя,

отличились! Портъ-Артуръ отдали, войска подъ Ляояномъ да подъ Мукденомъ погубили несмѣтное число, почти что цѣлую армію въ плѣнъ отдали. „Погодите, говорятъ, вотъ Рождественскій ведетъ на Японію наши корабли: мы имъ покажемъ, каковъ у насъ грозный флотъ (корабли)". А японцы корабли наши встрѣтили да за два часа и поуничтожили въ конецъ: корабли наши оказались никуда негодны.

Да, затѣяли наши чиновники войну, и прогадали: за время этой несчастной войны и открылось все: какъ они распорядились съ Россіей, какіе порядки въ ней завели.

Тутъ многіе поняли, что, если не положить предѣла управленію чиновниковъ, такъ ни въ конецъ Россію погубятъ. Сдѣлалось по всей Россіи неудовольствіе, стали царя просить, чтобы онъ чиновниковъ ограничилъ, чтобы далъ народу высказать свои желанія. Тогда при министрѣ Святополкѣ-Мирскомъ пріѣхали въ Петербургъ сто человѣкъ гласныхъ изъ земствъ и предсѣдателей земскихъ управъ изъ разныхъ губерній. Собрались они, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, объявили, что нельзя дальше давать чиновникамъ самовольно распоряжаться, а что надо позволить говорить и писать правду о государственныхъ дѣлахъ, что надо допустить народныхъ выборныхъ къ управленію.

Тутъ чиновники увидали, что приходитъ конецъ ихъ власти, и стали они говорить, что тѣ сто человѣкъ—измѣнники, крамольники, и всячески ихъ ругали въ своихъ газетахъ.

Наконецъ, царь издалъ приказъ, что хочетъ исправить управленіе въ Россіи, и позволилъ, чтобы всѣ обсуждали, какъ бы это получше исполнить, и

свои соображенія насчетъ лучшаго устройства Русскаго государства передавали въ совѣтъ министровъ. Чиновники всячески мѣшали народу собираться и обсуждать дѣла. А особенно хлопотали, чтобы до деревни и слуху обо всемъ этомъ не дошло, и царскій указъ скрывали.

Царь приказалъ министру Булыгину придумать такой новый законъ, чтобы народъ посылалъ своихъ выборныхъ въ народный совѣтъ или думу. Вотъ принялся министръ съ другими чиновниками придумывать этотъ новый законъ. Придумывали, придумывали, писали, писали, и, по обычаю чиновниковъ, старались, чтобы никто не провѣдалъ, что они придумываютъ и пишутъ.

А тѣмъ временемъ города и земства выбрали между собою лучшихъ и разумныхъ людей, чтобы они собрались вмѣстѣ, посовѣтовались и разсудили, какой долженъ быть новый законъ о народномъ правленіи, чтобы этотъ законъ дѣйствительно не допускалъ чиновничьяго самовольства; чтобы чиновники не могли итти противъ законовъ, не могли растрачивать куда попало народную казну; чтобы они отвѣчали за свои неправильныя дѣйствія.

Собирались по всей Россіи и другія общества: и доктора, и адвокаты, и ученые, и студенты, и рабочіе, — и всѣ объ этомъ новомъ законѣ толковали. Царь это разрѣшилъ. Но чиновники не хотѣли уступить даже царской волѣ. Легко ли отказаться имъ отъ своей власти, отъ своей привольной жизни? И они готовы были лить кровь человѣческую, только бы не уступить, не потерять власти и выгодъ.

И правда, много пролилось у насъ въ прошломъ

году крови, и не на войнѣ, а внутри Россіи, и все еще льется кровь по винѣ чиновниковъ.

У крестьянъ земли мало. Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля очень плодородна, не всѣ крестьяне могутъ на своей землѣ прокормиться; многіе уходятъ изъ деревень на заработки. А къ Москвѣ, къ Петербургу земли совсѣмъ плохія, и ужъ тамъ крестьянамъ безъ сторонняго заработка прокормиться никакъ нельзя. И вотъ, жители тѣхъ мѣстъ все больше работаютъ по городамъ на заводахъ и фабрикахъ; хозяева фабрикъ и заводовъ, конечно, хотятъ побольше взять себѣ барыша, рабочимъ стараются платить поменьше, а работать заставляютъ ихъ помногу. Рабочимъ дѣться некуда: земли у нихъ нѣтъ, а какъ-нибудь кормиться надо. Если заводчики и фабриканты ужъ очень притѣсняютъ рабочихъ, а рабочіе станутъ жаловаться начальству, то обыкновенно начальство принимаетъ сторону хозяевъ. У нашихъ чиновниковъ испоконъ вѣка такой обычай: всѣ льготы и права давать богачамъ, особенно фабрикантамъ и заводчикамъ.

Прошлой зимой рабочимъ въ Петербургѣ пришлось очень тяжело. Какъ быть? Ниоткуда помощи имъ нѣтъ. И вотъ они рѣшились обратиться къ самому царю, просить и молить его, чтобы онъ имъ какъ-нибудь помогъ. На него у рабочихъ была одна надежда, вѣдь и въ пѣсняхъ царя называютъ надёжа-царь.

Взяли они иконы и царскій портретъ и пошли ко дворцу. Ихъ было много — много тысячъ. Рабочіе съ иконами и царскимъ портретомъ и съ ними священники шли впереди другихъ. Оговоюду

сходился народъ, чтобы посмотрѣть, какъ идутъ рабочіе. Что же? Что случилось? Навстрѣчу рабочимъ послали полкъ солдатъ. Скомандовали: пли! Солдаты стали стрѣлять въ рабочихъ изъ ружей и пулеметовъ. О, Господи! Рабочіе сначала даже не поняли, что это въ нихъ стрѣляютъ. Какъ? Стрѣляютъ въ рабочихъ, которые идутъ просить помощи и защиты у своего царя!

Улицы были залиты кровью, на нихъ лежали раненые и убитые. Множество людей было убито и искалѣчено.

По всей Россіи всѣ ужаснулись, когда узнали объ этихъ убійствахъ. И не только въ Россіи, но и во всѣхъ чужеземныхъ странахъ народъ ахнулъ, когда узналъ, что русскіе правители приказали разстрѣливать своихъ мирныхъ рабочихъ.

Дня черезъ три царю сказали, что рабочіе бунтовали. Царь велѣлъ, чтобы къ нему явились отъ рабочихъ человѣкъ 20 и объяснили, чего они просятъ. Рабочіе пришли, и царь сказалъ, что онъ о нихъ позаботится и что онъ имъ прощаетъ ихъ вину. Рабочіе не были ни въ чемъ виноваты, а тѣ злодѣи, которые по нимъ велѣли стрѣлять, остались попрежнему управителями. Царь велѣлъ одному чиновнику подумать, какъ бы помочь рабочимъ. Тотъ пригласилъ на совѣщаніе еще нѣсколько чиновниковъ. Они позволили, чтобы рабочіе избрали между собою человѣкъ 20 выборныхъ и послали ихъ отъ себя въ это совѣщаніе, чтобы они высказали, чего рабочіе желаютъ, и какъ имъ облегчить жизнь. Рабочіе прислали своихъ выборныхъ. Но никакой пользы отъ этого для рабочихъ не вышло. Чиновники потолковали, потолковали да и разо-

Библиотека Института В. И. Ленина
188991

шлись. А съ выборными отъ рабочихъ кончилось не благополучно: ихъ всѣхъ арестовали и посадили въ тюрьму. Вотъ какъ наши чиновники расправляются! Такъ и враги на войнѣ не поступаютъ. Если отъ войска пошлютъ кого къ непріятелю *переговорщикомъ*, то его никогда враги не убьютъ и въ плѣнъ не возьмутъ, а выслушаютъ и отпустятъ съ охраной къ своимъ.

Послѣ того какъ чиновники залили петербургскія улицы кровью рабочихъ, вся Россія взволновалась. Рабочіе повсюду стали забастовывать: имъ не на кого было надѣяться, кромѣ какъ на самихъ себя. Забастовали и учащіеся — студенты и ихъ учителя. Можно ли спокойно учиться, когда рядомъ убиваютъ безнаказанно мирныхъ людей? Противъ управленія чиновниковъ неудовольствіе все умножалось. На неудовольствіе населенія чиновники наши вниманія не обращаютъ, на то у нихъ есть въ распоряженіи казакъ; а вотъ, когда за границей ихъ стали осуждать за ихъ поступки, это имъ пришлось не по душѣ: наши чиновники любятъ, чтобы за границей ихъ похваливали, чтобы французы, англичане, нѣмцы говорили: „Да и ловки же эти русскіе чиновники, да и умны же! Ишь ты, какъ Россію возвеличили: войска-то сколько у русскихъ, и богаты же русскіе!“ Да, должно-быть, мы богаты, если у насъ генералы да адмиралы по сту тысячъ жалованія въ годъ получаютъ; если нашему намѣстнику въ Портъ-Артурѣ Алексѣеву военный корабль, что стоилъ нѣсколько милліоновъ, отдали; а онъ еще около милліона казенныхъ денегъ на украшеніе этого корабля потратилъ, отдѣлалъ его, какъ дворецъ; а когда Алексѣевъ затѣвалъ у себя

въ Портъ-Артурѣ балы да пиры, такъ онъ этотъ корабль въ Японію за цвѣтами посылалъ. То-то, должно-быть, японцы посмѣивались надъ русскими! Да, должно-быть, богаты мы! А только вотъ пріѣзжалъ къ намъ въ Россію въ прошломъ году одинъ американецъ, побывалъ въ нашей деревнѣ, посмотрѣлъ да и сказалъ: *„Охъ, и бѣденъ же у васъ народъ*! У насъ, въ Америкѣ, говоритъ, и днемъ съ огнемъ такихъ бѣдныхъ деревень не сыщешь".

Ну, такъ вотъ: тѣ чиновники, про которыхъ шелъ слухъ, что это они приказали солдатамъ въ рабочихъ стрѣлять, стали письма посылать въ заграничныя газеты, что это, молъ, не мы приказывали, мы въ этомъ кровопролитіи невиновны. За границей вѣдь нельзя народу уста заткнуть: молчать! Не разсуждать! и вся недолга. За границей все можно говорить и писать; за границей народъ можетъ итти себѣ по улицѣ города толпой. А вотъ буянить, драться, лавки евреямъ разбивать тамъ нельзя, тамъ это запрещено. За границей, если городовой ударитъ самаго послѣдняго пьянаго бродягу, за это, пожалуй, и главный у нихъ министръ съ своего мѣста слетитъ; а у насъ губернаторъ можетъ по всей губерніи крестьянъ перепороть, ему никто и слова не скажетъ. За границей каждаго судятъ по закону, и безъ вины никого не могутъ арестовать; а у насъ всякаго, кто чиновникамъ не по нраву, хватаютъ и безъ суда ссылаютъ. За границей — во Франціи, въ Англіи, у нѣмцевъ — всюду установлено народное правленіе. Тамъ народъ вольный, а у насъ, въ Россіи всѣ въ крѣпостныхъ у чиновниковъ. За границей человѣкъ идетъ себѣ по улицѣ вольно, ни-

кого не боится: знаетъ, что безъ вины его никто тронуть не смѣетъ; а у насъ иди да оглядывайся — или тебѣ урядникъ въ шею дастъ, или, откуда ни возьмись, казакъ нагайкой огрѣетъ, или не досмотрѣлъ, шапки его благородію не снялъ — подъ арестъ попалъ.

Наши чиновники любятъ иной разъ за границу прокатиться, себя показать; а если за границей будутъ знать, что вотъ этотъ-то чиновникъ рабочихъ въ Питерѣ велѣлъ стрѣлять, такъ ему туда показаться нельзя будетъ. Тамъ вокругъ его экипажа соберется народъ, тамошніе рабочіе станутъ на него указывать, станутъ кричать: „Вотъ убійца рабочихъ!“ свистѣть, — ему тамъ проходу не будетъ. Въ тамошнихъ газетахъ напечатаютъ: какъ посмѣлъ къ намъ, въ нашу вольную страну пріѣхать тиранъ, злодѣй, убійца?! И что же? Этому чиновнику придется тамъ скрыться въ свою гостиницу. И будетъ онъ тамъ, какъ бѣшенный, метаться по своей горницѣ, сжимать кулаки и шептать: „О, проклятые! дали бы мнѣ власть, я бы васъ въ бараній рогъ согнулъ“.

За границей нашего чиновника никто не боится. А у насъ они, кромѣ войны, много бѣды натворили за этотъ послѣдній годъ; и не видно пока еще конца краю чиновничьей власти.

Когда чиновники увидѣли, что ужъ очень много стало въ Россіи недовольныхъ, что почти всѣ стали громко бранить чиновничье самоуправство и трєбовать, чтобы были созваны народные выборные; когда они увидѣли, что всѣхъ этихъ людей не сошлешь въ Сибирь, не засадишь въ крѣпость, не перевѣшаешь—тогда чиновники придумали такую штуку:

велѣли полицейскимъ по городамъ собирать разныхъ воровъ, жуликовъ, пропойцъ, бродягъ, поить ихъ водкой, обѣщать денегъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобы эта *черная сотня* нападала и избивала тѣхъ, на кого полиція ихъ натравитъ. И вотъ, пошли по городамъ побоища. Соберутся ли гласные, доктора, рабочіе, студенты потолковать о народномъ правленіи,— является черная сотня и начинаетъ ихъ избивать. А чиновники въ своихъ газетахъ пишутъ: вотъ видите, простой народъ не желаетъ, чтобы было народное правленіе. А то еще вотъ что чиновники придумали: соберется, напр., большая толпа рабочихъ или горожанъ, идутъ, толкуютъ, поютъ пѣсни, которыя чиновникамъ не по нраву. Полиція знаетъ, что всѣ эти люди стоятъ за то, чтобы было народное правленіе. У полиціи руки чешутся, какъ бы это избить этихъ людей. Напустить черную сотню? Не осилитъ. Солдатамъ велѣть стрѣлять? Нельзя: народъ идетъ безъ оружія, никого не трогаетъ; а стрѣлять, какъ въ Питерѣ, въ мирныхъ рабочихъ стрѣляли, опасаются, какъ бы не поднялся опять большой шумъ и толки, и передъ заграничными людьми хочется себя выказать правыми. Тогда какой-нибудь полицейскій или кто изъ черной сотни переряжится рабочимъ или студентомъ, замѣшается въ толпу. Полиція идетъ толпѣ навстрѣчу. „Господа, говоритъ, прошу разойтись: ходить по городу толпой запрещено, вы нарушаете общественный *порядокъ*. Прошу разойтись!...“ А въ это время переряженный полицейскій начинаетъ среди толпы стрѣлять изъ револьвера. А! стрѣлять? Вооруженное сопротивленіе властямъ? Кричитъ полиція. Казаковъ сюда! Налетаютъ казаки, хлещутъ безоружную толпу

нагайками, загоняютъ во дворы и тамъ бьютъ людей до полусмерти, многіе тутъ и умираютъ. Полиція хватаетъ другихъ, тащитъ ихъ въ участокъ, въ участкѣ разбиваютъ арестованнымъ лицо, топчутъ ихъ сапогами, переламываютъ ребра. Если въ какомъ-нибудь городѣ такіе случаи повторятся два-три раза, и жители, озлобясь, сами начнутъ убивать то того, то другого полицейскаго (можетъ-быть, этотъ полицейскій изувѣчилъ кому-нибудь сестру, брата, отца, сына), тогда чиновники въ этомъ городѣ поскорѣе вводятъ *военное положеніе*. А городъ на военномъ положеніи все равно, что городъ, завоеванный непріятелемъ.

И много было такихъ избіеній, много городовъ чиновники поставили на военное положеніе.

Тяжело живется въ Россіи подъ властью чиновниковъ. Долго народъ терпѣлъ надъ собою всякое беззаконіе, и самъ началъ поступать беззаконно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне напали на экономіи и заводы, стали ихъ грабить и жечь. Чиновники вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло и виновныхъ предать законному суду, сейчасъ же выслали на тѣхъ крестьянъ казаковъ, и давай бить и сѣчь и праваго, и виноватаго.

И на войнѣ, и внутри Россіи кровь все лилась да лилась, а министръ Булыгинъ съ товарищами все сочиняли да сочиняли законъ о созывѣ народныхъ выборныхъ. Всѣ уже стали отчаиваться: думали, что выборныхъ такъ и не созовутъ. Тогда земскіе и городскіе люди рѣшились обратиться къ царю, разсказать ему, въ какомъ тяжеломъ положеніи находится русскій народъ, и просить, чтобы онъ поскорѣе созвалъ выборныхъ отъ всего народа.

Царь ихъ принялъ и обѣщалъ непремѣнно созвать выборныхъ.

Съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца. Война съ японцами кончилась. Но внутри Россіи кровопролитіе не унималось. Много еще успѣли натворить беззаконія чиновники. На Кавказѣ они подняли настоящую войну. Въ кавказскомъ гор. Баку добывается нефть (керосинъ); жизнь на этихъ нефтяныхъ промыслахъ для тамошнихъ рабочихъ очень тяжелая. Рабочіе забастовали тамъ еще зимой. Въ гор. Баку живутъ вмѣстѣ съ русскими разные народы: армяне, татары, персіяне. Кавказскіе чиновники не взлюбили армянъ за то, что они, какъ и всѣ у насъ, недовольны чиновничьимъ беззаконіемъ. Среди Россіи они на недовольныхъ напускаютъ черныя сотни, а на Кавказѣ въ гор. Баку на армянскихъ торговцевъ и рабочихъ натравили татаръ, и началась въ Баку страшная рѣзня. Много армянъ татары перебили. Полиція и не думала унимать татаръ да къ тому же много татаръ служитъ въ тамошней полиціи. Послали изъ Петербурга на Кавказъ чиновника наводить слѣдствіе, назначили туда намѣстника, но тамъ все осталось по старому: никто за всѣ эти убійства не былъ наказанъ; и татары все становились смѣлѣй. Черезъ мѣсяцъ въ другихъ кавказскихъ городахъ татары начали грабить и убивать армянъ. Еще черезъ два мѣсяца въ гор. Баку снова поднялась рѣзня, еще страшнѣе первой. Нефтяные промыслы горѣли. Татары безчинствовали: убивали армянъ, бросали живыми въ огонь, надругались надъ женщинами, убивали даже дѣтей. Всѣ, кто могъ, бѣжали изъ Баку и изъ окрестныхъ деревень. Въ Баку провизіи не было: никто не

осмѣливался туда подвозить. Тысячи рабочихъ голодали. Что же? Надо же поскорѣе послать туда побольше войскъ? Надо отобрать оружіе у татаръ? Нѣтъ! Чиновники велѣли отобрать послѣднее оружіе *у армянъ*. Рабочіе умираютъ отъ голода, — надо поскорѣе подвезти провизіи, хлѣба? Нѣтъ! По разумѣнію чиновниковъ, пусть рабочіе пока умираютъ съ голоду, а сначала надо выдать хозяевамъ промысловъ, богачамъ-милліонщикамъ, еще нѣсколько милліоновъ изъ казны на поправку ихъ нефтяныхъ заводовъ.

Въ другомъ кавказскомъ городѣ, Тифлисѣ, въ это время собрались въ городской думѣ горожане, чтобы посовѣтоваться, какъ бы утишить эти ужасы въ гор. Баку. Губернаторъ поскорѣе отправилъ въ думу казаковъ, и начали казаки разстрѣливать этихъ горожанъ, люди бросились изъ дома на улицы, казаки и тамъ гнались за ними и убивали...

А Булыгинъ съ товарищами, наконецъ, написали новый законъ о *Государственной Думѣ!* Этотъ законъ былъ объявленъ на Спасъ-Преображенье.

Шесть мѣсяцевъ сочиняли чиновники законъ о Государственной Думѣ, — надо же вѣдь было ухитриться придумать такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Совсѣмъ же безъ этого новаго закона никакъ нельзя было обойтись: ужъ очень взволновалась вся Россія, да и заграничные люди не довѣряли русскимъ въ долгъ денегъ. За границей говорили, что пока чиновники самовольно распоряжаются русской казной, пока они не даютъ народу отчета, куда потрачены деньги, давать Россіи взаймы деньги опасно. А деньги теперь опять были нужны, чтобы пополнить военные убытки, чтобы строить

новые корабли и многое другое. Надо было какънибудь русскій народъ утихомирить и изъ-за границы денегъ добыть. Русскіе чиновники не старались придумать такой законъ о народномъ правленіи, чтобы отъ него легче стало жить всему русскому народу, а хлопотали, какъ бы обмануть народъ и заграничныхъ людей, чтобы самихъ себя выгородить изъ бѣды. Вмѣсто хлѣба, дали они народу камень!

Законъ о Государственной Думѣ 6-го августа такой, что самая малая часть русскаго народа имѣетъ право туда посылать своихъ выборныхъ. Всѣ небогатые люди: рабочіе, разные служащіе, мастеровые, учителя, доктора и другіе, остаются въ сторонѣ; а только богачи да крупные землевладѣльцы и крестьянскія общества, но только не все общество, а отъ десяти дворовъ одинъ домохозяинъ избираетъ на волостномъ сходѣ выборщиковъ, а тѣ выборщики собираются въ городѣ и между собою выбираютъ уѣздныхъ выборщиковъ, а ужъ тѣ выборщики въ губернскомъ городѣ избираютъ между собой уполномоченныхъ (гласныхъ) въ Государственную Думу. И крестьяне имѣютъ право избирать уполномоченныхъ лишь изъ крестьянъ же. И дворяне, и другія сословія тоже сначала избираютъ выборщиковъ, а ужъ тѣ выборщики избираютъ уполномоченныхъ въ Думу. И каждое сословіе будетъ выбирать въ отдѣльности: землевладѣльцы отъ себя, крестьяне отъ себя, горожане отъ себя. Что же будутъ крестьяне знать о томъ человѣкѣ, котораго выборщики выберутъ въ губерніи уполномоченнымъ отъ крестьянъ? Можетъ-быть, тотъ уполномоченный какой-нибудь богачъ изъ крестьянъ, можетъ, не будетъ стоять

въ Думѣ за права крестьянъ, а станетъ хлопотать о выгодѣ заводчиковъ, фабрикантовъ? Положимъ, ни правъ, ни власти Государственной Думѣ чиновники, почти что никакихъ не дали. Гласные Государственной Думы могутъ какой-нибудь законъ не одобрить, а чиновники въ Государственномъ Совѣтѣ все-таки этотъ законъ утвердятъ. Обсуждать дѣла Дума будетъ почти что тайно. Въ ея засѣданія будутъ допущены только нѣсколько петербургскихъ газетчиковъ. И то, если министръ скажетъ, что какое-нибудь дѣло должно обсуждать тайно, то тѣхъ газетчиковъ изъ Думы удалятъ, и никто во всей Россіи не будетъ знать, о чемъ тамъ толковали.

Напримѣръ, затѣяли теперь министры поселять на китайской границѣ тѣхъ солдатъ и офицеровъ, которые были тамъ на войнѣ, устроить въ родѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Сейчасъ министръ предлагаетъ Государственной Думѣ обсудить этотъ законъ и требуетъ, чтобы всѣхъ газетчиковъ удалили, потому что, дескать, этотъ законъ касается обороны русскихъ границъ отъ Китая.

Положимъ, всѣ гласные Государственной Думы скажутъ, что это законъ вредный для Россіи, что его не слѣдуетъ вводить. А чиновникамъ хочется ввести этотъ законъ, потому что на устройство поселеній они возьмутъ изъ казны нѣсколько милліоновъ и большую часть изъ этихъ денегъ разберутъ по своимъ карманамъ, какъ это обыкновенно у нихъ дѣлается.

Вотъ чиновники въ Государственномъ Совѣтѣ и рѣшатъ, что надо ввести этотъ законъ. Доложатъ царю, наговорятъ и то и другое, и царь законъ утвердитъ. А докладываютъ царю, по закону о Госу-

дарственной Думѣ, не предсѣдатель Думы, а чиновники, значитъ, послѣднее слово всегда за ними. Введутъ этотъ законъ о военныхъ поселеніяхъ, и никто не будетъ знать: чиновники ли хотѣли этого закона, или выборные Государственной Думы. И все остается въ Россіи по старому. Да и какихъ льготъ, какихъ вольностей можно ожидать отъ новаго закона о Государственной Думѣ, если въ день объявленія объ его утвержденіи былъ изданъ указъ, чтобы больше никто нигдѣ не смѣлъ собираться и толковать о народномъ правленіи; если стали еще больше хватать и сажать безъ суда людей; если черная сотня и казаки продолжали избивать народъ, и никто ихъ не останавливалъ?

Какое это народное правленіе, когда не нынче, завтра должны быть выборы въ Государственную Думу, а крестьяне по деревнямъ ничего про нее и не слыхали. Пришлютъ въ деревню повѣстки отъ земскаго, чтобы на завтра выѣзжали крестьяне на волостной сходъ на избраніе выборщиковъ. „Эхъ! скажетъ какой-нибудь домохозяинъ: хотѣлъ было закуту заплести, а тутъ въ волость требуютъ. — Зачѣмъ въ волость? — Да выборныхъ избирать, что ли? Въ городъ, говорятъ, будутъ посылать. — Какихъ выборныхъ, зачѣмъ? — А Господь ихъ знаетъ! Въ Петербургъ, къ царю пошлютъ. И не время будто было ѣхать, дѣло бросать!“

И правда, какая ему польза, какой интересъ выбирать выборныхъ, если все для него останется по старому? Онъ и знать не будетъ, что они, эти выборные, дѣлаютъ въ Государственной Думѣ, кто изъ нихъ за что стоитъ. Вѣдь по прежнему чиновники не будутъ допускать въ деревню ни книгъ,

ни газетъ, а въ газетахъ не позволятъ писать правды, не будутъ допускать грамотныхъ людей говорить въ деревнѣ о правительствѣ, о государственныхъ дѣлахъ. По прежнему всѣхъ недовольныхъ будутъ безъ суда сажать по тюрьмамъ.

Государственная Дума, учрежденная по закону, придуманному чиновниками, ничего этого не можетъ измѣнить, народнымъ выборнымъ не дано этой власти. Но они должны вытребовать себѣ эту власть, они должны вырвать Россію изъ когтей чиновниковъ!

Но въ то время, какъ Булыгинъ съ товарищами придумывалъ свой чиновничій законъ о Государственной Думѣ, городскіе и земскіе люди на своихъ совѣщаніяхъ, и доктора и студенты, и учителя и адвокаты, и ученые и рабочіе обсудили и просили ввести законъ о дѣйствительномъ народномъ правленіи.

Не день, не два думали русскіе люди объ этомъ законѣ. Со временъ декабристовъ и до нашихъ дней многіе думали о народномъ правленіи непрерывно. Многихъ людей за эти думы посослали чиновники въ Сибирь, многіе кончили свою жизнь по крѣпостнымъ тюрьмамъ, многіе бѣжали за границу, спасаясь отъ преслѣдованія чиновниковъ. И теперь на совѣщаніяхъ земскихъ и городскихъ людей, докторовъ, учителей, студентовъ, рабочихъ положено, что законъ о народномъ правленіи долженъ быть такой:

Чтобы весь русскій народъ, всѣ, кому исполнилось 21 годъ, дворяне, крестьяне, рабочіе, купцы, духовные, мѣщане — всѣ, всѣ имѣли право участвовать въ избраніи своихъ общихъ гласныхъ въ *Народную* Думу и не выбирать сначала выборщиковъ,

а прямо того человѣка, про котораго народъ знаетъ, что въ Народной Думѣ онъ будетъ стоять за то, чего желаютъ его избиратели. Для этого всю Россію надо раздѣлить на округа такъ, чтобы въ каждомъ округѣ приходилось тысячъ по 150 или по 200. И всѣ эти люди изберутъ въ Народную Думу одного или двухъ гласныхъ, какъ придется по расчету.

Избирать своихъ выборныхъ (уполномоченныхъ, гласныхъ) народъ долженъ безъ помѣхи, вольно, безъ принужденій: народъ долженъ имѣть право собираться всюду, гдѣ захочетъ — на ярмаркахъ, въ трактирахъ, въ чайныхъ, и тамъ толковать между собою и совѣтоваться, съ кѣмъ захочетъ, о выборахъ.

Выбирать въ гласные Народной Думы можно каждаго русскаго подданнаго, которому исполнился 21 годъ. Ни полиція, ни чиновники ни подъ какимъ видомъ не могутъ стѣснять выборовъ, и даже полицейскіе чиновники не могутъ ни выбирать, ни выбираться въ Народную Думу.

Избранные народомъ представители (гласные, выборные), собравшись въ Народной Думѣ, будутъ имѣть власть устанавливать для всей Россіи законы по большинству голосовъ. Въ Народной Думѣ будетъ, напримѣръ, какъ разсчитано, человѣкъ 700 народныхъ выборныхъ. Если 400 человѣкъ изъ нихъ будетъ стоять за введеніе какого-нибудь закона, а 300 противъ, то законъ этотъ будетъ принятъ, онъ будутъ утвержденъ царемъ, и всѣ въ Россіи должны будутъ этому закону повиноваться. И этотъ законъ будетъ такой, какого желаетъ большая часть русскаго народа, потому что отъ большей части народа и въ Народной Думѣ будетъ засѣдать больше гласныхъ, которые въ Думѣ будутъ стоять за за-

коны полезные для большей части русскаго народа, а не для однихъ господъ да богачей.

Народные выборные должны совѣщаться въ Народной Думѣ явно, гласно: весь русскій народъ долженъ знать, что обсуждаютъ его выборные, кто изъ выборныхъ за что стоитъ. Выборныхъ избираютъ на срокъ, напримѣръ, на три года; когда срокъ этотъ кончится, тогда народъ снова изберетъ отъ себя выборныхъ, и тѣ, что стояли за законы неугодные народу, могутъ не попасть въ народные представители.

Министры должны отвѣчать передъ Народной Думой за свои дѣйствія и должны выходить въ отставку, если Народная Дума ихъ не одобритъ. Народная Дума будетъ слѣдить за тѣмъ, куда и какъ тратятся казенныя деньги, и предавать суду министровъ, которые неправильно ихъ растратятъ. Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ будутъ печататься въ газетахъ отчеты, и весь народъ будетъ знать, что дѣлается въ его странѣ. Вотъ какого закона требуютъ земскіе и городскіе люди, рабочіе, доктора и др. и тѣ крестьяне, которые слышали обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. Еще земскіе и городскіе люди требуютъ, чтобы передъ закономъ всѣ русскіе подданные были равны, чтобы для закона не было ни барина, ни мужика, ни богатаго, ни бѣднаго, ни чиновника.

Еще всѣ они требуютъ, чтобы всѣ русскіе подданные имѣли право свободно собираться, устраивать разныя общества, свободно толковать обо всемъ, свободно итти и ѣхать, куда хотятъ.

Чтобы весь народъ могъ читать все, что хочетъ, чтобы ни о чемъ не было запрещено печатать

въ газетахъ, чтобы каждый человѣкъ отвѣчалъ за свои беззаконные поступки только передъ судомъ, который долженъ судить по законамъ, а не по прихоти чиновниковъ.

Всего этого требуютъ земскіе и городскіе люди, учителя, доктора, адвокаты, рабочіе, студенты, ученые и тѣ крестьяне, которые знакомы съ этими дѣлами.

И вотъ, въ началѣ октября состоялась общая забастовка желѣзныхъ дорогъ и поддержали ее разныя другія учрежденія. Забастовка эта была тяжела для всѣхъ участниковъ, тяжела и для всей страны, но она достигла своей цѣли: царь увидалъ, каково настроеніе народа, чего онъ дѣйствительно хочетъ. Для того, чтобы успокоить страну, удовлетворить ея нуждамъ, царь 17-го октября издалъ манифестъ, въ которомъ возвѣщена свобода слова и собраній, за Государственной Думой признана законодательная власть, повелѣно привлечь къ выборамъ въ Думу часть того населенія, которое было устранено отъ выборовъ по закону 6-го августа, обѣщано, что Думѣ будетъ поручено установить „общіе“ выборы. Конечно, это не все еще, что̀ нужно, да къ тому же чиновники пока плохо исполняютъ то, что̀ дано манифестомъ 17-го октября, но все-таки манифестъ этотъ — важный шагъ впередъ, и дѣло, предстоявшее первой Государственной Думѣ — установить дѣйствительное народное правленіе, облегчено теперь, Дума въ этомъ будетъ уже прямо опираться на царскую волю противъ чиновниковъ. Народное правленіе необходимо для блага страны и должно быть установлено.

Введеніе народнаго правленія особенно нужно

для крестьянъ и для рабочихъ, потому что имъ тяжелѣе всего живется подъ властью чиновниковъ.

Во многихъ мѣстахъ крестьяне жалуются, что съ нихъ тянутъ не въ мѣру много податей. И правда, вся тяжесть налоговъ у насъ лежитъ на крестьянахъ. При народномъ правленіи можетъ быть изданъ законъ о болѣе справедливой раскладкѣ податей.

Многіе крестьяне жалуются на свое малоземелье, не одни крестьяне думаютъ о земельномъ уравненіи всего народа. Много и русскихъ, и заграничныхъ людей думали объ этомъ долгіе годы, многіе ученые ломали надъ этимъ голову. Не легкое дѣло придумать и установить такой законъ, чтобы въ государствѣ каждаго, кто хочетъ самъ своими руками обрабатывать землю, можно было одѣлить землею.

У насъ, въ Россіи, повсюду крестьяне только и думаютъ, что объ общемъ передѣлѣ земли, объ уравненіи. Богъ ихъ знаетъ, откуда ждутъ они этого уравненія? Вѣдь не свалится же оно къ нимъ вмѣстѣ съ дождемъ или снѣгомъ! Уравненіе это дѣло нелегкое, мудрое. Только самъ народъ, *весь* русскій народъ можетъ установить такой законъ. Итакъ, всѣ крестьяне, всѣ рабочіе и всѣ справедливые русскіе люди должны добиваться, заявлять, громко требовать, чтобы въ Россіи было установлено *народное правленіе*.

Библиотека
Института В. И. Ленина

Библіотека „Свободная Россія".

Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и Е. А. Коломійцевой.

НАРОДНЫЙ ЛИСТОКЪ „Свободной Россіи". № 1. Какъ народъ добился манифеста 17 октября и что этотъ манифестъ обѣщалъ народу. Ц. 1 коп. за сотню 60 коп.

№ 1. Германія въ 48-мъ году. По книгѣ Базарова и Степанова: „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в.", составилъ М. Н. Андреевъ Ц. 20 коп.

№ 2. М. М. Богоеловскій. Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. Ц. 10 коп.

№ 3. С. Ѳ. Фортунатовъ. Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 коп.

№ 4. И. Н. Игнатовъ. Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 коп.

№ 5. П. Н. Милюковъ. Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 коп.

№ 6. И. А. Петровскій. Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 коп.

№ 7. А. Н. Максимовъ и С. Ѳ. Фортунатовъ. Одна или двѣ палаты? Ц. 10 коп.

№ 8. В. Г. Короленко. Трагедія Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 коп.

№ 9. А. С. Пругавинъ. Вопіющее дѣло. Ц. 10 коп.

№ 10. И. Н. Игнатовъ. Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 коп.

№ 11. Проф. М. Н. Соболевъ. Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 к.

№ 12. Д. Самойловъ. 48-й годъ во Франціи. Ц. 15 коп.

№ 13. Къ исторіи декабристовъ. Ц. 10 к.

№ 14. Бѣлоруссовъ. Изъ пережитаго. Ц. 20 к.

№ 15. М. М. Богословскій. Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. Ц. 15 коп.

№ 16. А. С. Бѣлевскій. Земельный вопросъ и націонализація земли. Ц. 20 коп.

№ 17. В. Е. Якушкинъ. Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество. Ц. 10 коп.

Заканчиваются печатаньемъ:

М. М. Богословскій. Императрица Елизавета Петровна.

Его же. Конституціонное движеніе 1730 г.

Къ университетскому вопросу. Сборникъ статей подъ редакціей проф. *С. С. Салазкина.*

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Кудринская площадь, д. Курносовыхъ, кв. 21, телеф. 32—21, книжные магазины „Трудъ" (Тверская, 38) и П. Д. Путиловой (Арбатъ, 17, телеф. 56—90).

Петербургъ, Книжный складъ „Школьное и библіотечное дѣло" Невскій, 42) и магазинъ „Трудъ" (Невскій, 60).

Книгопродавцамъ 30% уступки.

Изданія „НАРОДНОЕ ПРАВО".

А.

№ 1. **Ѳ. Кокошкинъ.** Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи.

Б. Серія изданій для народа.

Брошюры:

№ 1. **Н. Р.** О свободѣ личности. 2-е изд. Ц. 1 коп.

№ 2. **И. П. Бѣлоконскій.** Что такое земство, что оно сдѣлало для народа и какимъ должно быть. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 3. Какъ управляются народы въ Россіи и другихъ странахъ. 2-е изд. Ц. 3 коп.

№ 4. **И. Н. Игнатовъ.** Беранже. Ц. 10 коп.

№ 5. **Т. Н. Львовъ.** Какого слѣдуетъ держаться порядка при производствѣ выборовъ народныхъ представителей. 2-е изд. Ц. 5 коп.

№ 6. **Т. Н. Львовъ.** Что такое избирательное право и какъ должны производиться выборы. 2-е изд. Ц. 2 коп.

№ 7. **А. А. Титовъ.** Мировые судьи и земскіе начальники. Ц. 5 коп.

№ 8. **А. Курсановъ.** Какъ русскій народъ управлялся въ старину. Ц. 2 коп.

№ 9. **И. Н. Игнатовъ.** Гарибальди. Ц. 10 коп.

№ 10. Крестьянамъ. О конституціонно-демократической партіи. Ц. 1 коп.

№ 11. **И. М. Катаевъ.** Стенька Разинъ. Ц. 6 коп.

№ 12. **П. Муратовъ.** Борьба за избирательное право въ Англіи. Ц. 15 коп.

№ 13. О чиновникахъ и народномъ правленіи. Ц. 4 коп.

№ 14. **Е. И. Боголюбовъ.** Спартакъ. Ц. 5 коп.

№ 15. **Ю. Баршевъ.** Крестьянское малоземелье и способы борьбы съ нимъ. Ц. 5 коп.

№ 16. Евреи въ Россіи. Ц. 6 коп.

№ 17. **Шпирельманъ.** Земельная реформа въ Ирландіи. Ц. 5 к.

№ 18. **Т. Н. Львовъ.** Учрежденіе Государственной Думы. Ц. 5 к.

№ 19. **В. Е. Якушкинъ.** Декабристы.

Листки.

№ 1. Вопросы и отвѣты о выборахъ народныхъ представителей Составилъ Владимиръ Ермиловъ. Ц. за сотню 40 коп.

№ 2. О свободѣ печати. Ц. за сотню 50 коп.

№ 3. О манифестѣ 17-го октября. Ц. за сотню 80 коп.

№ 4. О манифестѣ 3-го ноября. Ц. за сотню 80 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва. Книжный складъ „Народное Право". Бол. Никитская, Черныševскій пер., д. Пустошкина, кв. 26 (*денежную* корреспонденцію *обязательно* направлять по адресу склада на имя Ю. Топорковой), и магазины: „Сотрудникъ Школъ" (Воздвиженка, домъ Армандъ) и „Трудъ" (Тверская, 38).

Петербургъ. „Бюро конституціонно-демократической партіи". (Моховая, д. 33—35) и книжный магазинъ „Трудъ" (Невскій, 60).